

Мирзалиев Т.Э.,

аспирант Института литературы
имени Низами Национальной Академии наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан, e-mail: tural.mirzeli@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В статье исследуется история возникновения Азербайджано-Европейских литературных связей. Автор раскрывает все существующие значения термина «литературные связи» и подробно останавливается на литературных связях до XX века. По мнению автора, связь, на литературном уровне, может возникнуть и из взаимного или одностороннего интереса, и из необходимости. Тот же самый процесс наблюдается и в жизни народов и культур, в том числе в литературном процессе Азербайджана. Рассматривая теорию литературных связей, в статье эти связи классифицируются на связи, порожденные интересом к литературе других народов и связи, порожденные необходимостью в литературе других народов. Автор статьи приходит к выводу, что существовавшие в одно и то же или в различное время между отдельными национальными литературами или их отдельными представителями, в целом, могут возникнуть благодаря контакту условных сходств истории литературного процесса и сходств развития являющегося причиной этого общественно-исторического процесса.

Ключевые слова: литературные связи, Азербайджанская литература, Низами, Физули, Вагиф, Ахундзаде, Агаоглы

Mirzaliyev T.E.

The main factors in history Azerbaijan-european literary relation

In the article the history of the appearance of Azerbaijan-European literary relations is investigated. The author reveals all existing meanings of the term «the literary connections» and studies the literary connections till the 20th century particularly. According to the author's thought the connection in the literary level can be from one-sided or mutual interest, and out of necessity. The same process occurs in the life of peoples and cultures, including in the literary process of Azerbaijan. Investigating the theory of literary relations in the article these relations are classified on communication generated interest in the literature of the other nations and relations, generated by the need in the literature of other nations. The author of the article concludes that existed at the same or at different times among the individual national literatures or their individual representatives, in general, can occur through the contact of the contingent similarities history of the literary process and the similarities of being the cause of the socio-historical process.

Key words: the literary relations, Azerbaijan literature, Nizami, Fizuli, Vagif, Akhundzade, Agaoglu

Мирзалиев Т.Э.

Азербайжан-Европа әдеби байланыстары тарихындағы негізгі факторлар

Мақалада Азербайжан-Европа әдеби байланыстарының пайда болу тарихы әңгімеленеді. Автор «Әдебиет байланысы» терминінің ғылымға белгілі барлық мағыналарын ашады, XX ғасырға дейінгі әдебиеттік байланыстарға тұтастай тоқталады. Автордың пікірі бойынша, әдебиет байланысы екі жақты немесе бір жақты мүддеден тіпті қажеттіліктен туындауы мүмкін. Мұндай

үдеріс Азербайжан халқының өмірі мен мәдениетінен де байқалады. Мақалада әдебиеттер байланысы теориясы қарастырыла отырып, бұл байланыстар өзге халықтардың әдебиетіне деген қызығушылықтан туған байланыстар, өзге халықтардың әдебиетіне деген қажеттіліктен туған байланыстар болып екі топқа жіктеледі. Автор әдебиет байланыстарының, біріншіден, әдебиет үдерістері тарихында ұқсастық болған жағдайда, екіншіден, қоғамдық-тарихи үдерістерді дамуында ұқсастық болған жағдайда туындайтындығын атап көрсетеді.

Түйін сөздер: әдеби байланыстар, Азербайжан әдебиеті, Низами, Физули, Вагиф, Ахундзаде, Агаоглы.

Значение термина «Литературные связи» до настоящего времени было изложено во многих аспектах. Если подойти к вопросу обобщенно, в качестве литературных связей можно взять и взаимосвязи между любыми двумя мастерами (как внутреннюю связь), и схожие черты в литературных текстах двух народов в целом. Исследователь английской литературы, профессор Ш.Халилли в обобщенном виде термин «литературные связи» объясняет таким образом: «Если есть в культуре и литературе какого-либо народа величественное, прекрасное искусство, воплощающее в себе человеческие чувства, идеи, оно открывается, как материка – будучи переведено, завоевывает себе место в духовном мире других народов. Влияние, связь литературы отдельных народов, создателей этой литературы друг на друга считается главным фактором, обуславливающим литературные связи» [1].

На наш взгляд, в аспекте различных народов понятие «литературные связи» превращается в один из важнейших показателей обретения национальной идентификации самого малого одного из этих народов.

Связь, порожденная общением, может возникнуть и из взаимного или одностороннего интереса, и из необходимости. Тот же самый процесс наблюдается и в жизни народов и культур. С этой точки зрения литературные связи можно классифицировать следующим образом:

1. Связь, порожденная интересом к литературе других народов

2. Связь, порожденная необходимостью в литературе других народов

Первый тип связи условно можно назвать и неполной связью. Отложив в сторону сходство в фольклорных образцах (например, сходство сюжетов «Книги моего Деда Коркута» и «Одиссеи»; поскольку в этом случае невозможно определить период, направление влияния и источник в целом), рассмотрим непосредственно письменную литературу: в течение большого периода (до XX века) использование, интерес были направлены с Востока на Запад. Известно влияние сюжетов, тем и творчества Низами

в целом на европейскую литературу (например, использование сюжетов Низами в драме Карло Гоцци «Принцесса Турандот», Бокаччо, Джеффри Чосера, Шиллера). Иногда даже это воздействие проявляется в любопытной форме, в уподобляющем стиле. Известно, что в народном сознании уровень принятия уподобления связана также и со степенью распространенности этого элемента. Например, Герцен в своем произведении «Легенда» так описывает красоту дочери игумена: «Рядом с крепостью находилась привлекательная женщина наподобие воспетых Низами девушек Востока» [2, 197]. Разумеется, подобные явления не должны привлекать внимание в качестве случайного элемента. Метафора-уподобление интересна с точки зрения демонстрации в той или иной степени уже образовавшегося образа Низами как мастера.

Правда, в подобных случаях к таким корифеям, как Низами, Саади, Хафиз, Джами, Руми относились не как представителю какого-либо народа, а именно как к представителю восточной литературы. И поэтому эти связи больше, чем в контексте национальных литературных связей, интересны нам в историческом аспекте, в качестве пути, приведшего к этому.

На второй стадии литературных связей типы незавершенных связей уступают свое место полной связи. В этот период другие литературные образцы не просто вызывают интерес, в них есть потребность. Эта потребность может выражаться со многих ракурсов, однако основным критерием является примерность, образцовость.

В истории азербайджано-европейских связей второй этап начинается с XIX века. Правда, связь противоположной стороны была еще на первой стадии (Кавказ-Восток Бестужева-Марлинского, Лермонтова, Пушкина был в большей степени экзотическим Востоком, впоследствии этот взгляд Львом Толстым был несколько изменен). На этом этапе Азербайджан не был местом проживания тюрков, а страной Востока. Однако азербайджанская литература хотела обрести новую форму, содержание, и в качестве самой

сильной стороны той эпохи, естественно, пришлось обратиться к Европе.

Интересно, что в азербайджанской литературе связь с Европой началась посредством образов. На наш взгляд, эта связь обусловлена не только Мусье Жорданом, но также и такими восточными образами, как Молла Ибрагимхалил алхимик, Дервиш Масталишах, Шейх Насруллах. Носители фронта мертвецов, мошенников были восточными, а сторонники нововведений, прогресса – западными людьми. Европа уже была названием места идей и в этом содержании Пьяницу Искендера, относительно, можно считать преемником Мусье Жордана.

«Термин литературные связи в качестве совокупности отличающихся друг от друга по смыслу и качеству понятий очень часто используются без вникания в различия, в одинаковой форме для всех времен, что в результате приводит к не имеющей научной основы идентификации. Хотя когда речь идет о русско-азербайджанских литературных связях, можем сказать, что только на фоне общественно-политической картины XIX века выражали различные формы. Дело в том, что привлекающее к себе внимание в сфере литературных связей данное различие форм органично связано с новым качеством этих связей, выражаемых в отдельные периоды» [2, 329]. Расширив это сравнение, возможно применение и к другим связям. В целом, второй тип литературных связей – полная связь – появляется на фоне общественно-исторических явлений. При этом необходимо основываться не на отдельные детали в творчестве отдельных писателей, а на серьезные факторы, характерные для их творчества в целом. Такие схожие факторы, как тема, сюжет, форма лишь начало, основное воздействие проявляется в идее. Связь, возникшая в результате схожести исторической почвы, а также отдельного, порой же одновременного самостоятельного развития представляет собой идейную связь.

Например, русская литература, которой воспользовались, с которой наладили связь и мы в процессе национального самоосознания в нашей литературе с середины XIX века до начала XX века (это еще и общественный процесс) была отображением схожих процессов, произошедших в русском обществе. Хотя произведения Мирзы Джалила Мамедкулизаде «Гурбаналибек» и «Мертвецы» обладали сюжетным сходством с произведениями Гоголя «Коляска» и «Ревизор», в идее имелось отличие. Однако основной целью обоих авторов была попытка

пробуждения. В этом случае схожие процессы в России повторялись и в Азербайджане (и в политическом плане тоже). Следовательно, мы должны учитывать сходство Мирзы Джалила и Гоголя не как случайную связь, не как процесс, возникший в результате симпатии одного автора к другому, а как необходимое событие. К сказанному можно добавить и другое доказательство: почему азербайджанские писатели того периода воспользовались русскими писателями XIX века, и в основном, критическими реалистами? Ведь были и до них тоже, например, Кантемир. Идентичность времени в этой необходимости не находится в передних рядах, в противном случае в связях с французской литературой впереди были бы не именно мастера прежнего периода как Жан-Жак Руссо, и не критиковались бы бывшие его современниками такие писатели, как Бурже и Оне. Воздействие таких писателей, как Гоголь, Чехов, Толстой, Руссо, Мольер, Вольтер, Шиллер, Гёте связано не со временем, а с соответствием свойств периода, в котором они сформировались, азербайджанским реалиям того периода.

Следовательно, связи, существовавшие в одно и то же или в различное время между отдельными национальными литературами или их отдельными представителями, в целом, могут возникнуть благодаря контакту условных сходств истории литературного процесса и сходств развития являющегося причиной этого общественно-исторического процесса.

Ада Холли Шисслер разногласия, появляющиеся среди интеллигентов Востока того времени (в отношении к Европе), берет в контексте принадлежности: «Не можем, что полемика в то время об принадлежности Агаоглу и подобных людей лишь отображает взгляды, вытекающие из самобытной природы того человека, кроме того, должны указать и на то, что наличие в этой борьбе не на жизнь, а на смерть подобного выбора насколько влиятельно, насколько влиятельны и определенные личности (здесь подразумевается Европа – Т.М.). В подобном понимании взгляд на новую национальную эволюцию не является чувством, относящимся к самому человеку. Более того, является темой, объединяющей в себе множество факторов, таких как понятие культуры, движения вперед, современности, общества и индивидуальности, и их взаимного влияния» [3, 20].

Начавшийся с Ахундзаде призыв к Западу вовсе не отрицался во все времена. Просто мыслители эпохи еще вели полемику по поводу того,

по какому принципу принадлежности обратимся мы к Европе: «Хотя взгляды «мы восточные люди», «мы мусульмане», «мы турки», и как бы ни был слабо слышен, «мы азербайджанцы», в основном друг друга не отрицали, будучи видны на фоне вопроса «кто будет рядом и напротив нас?», в действительности более значимы. Если мы люди восточные, то не отрицая иранский и арабский мир, не повреждая идущие от них и созданные совместно с ними ценности, мы должны воспользоваться от Запада. Если мы турки, то восточные народы, с которыми исторически мы вместе жили и с которыми мы были во взаимодействии, не имеют серьезного значения и в этом случае адресатом опять же становится Запад, он конкретизируется, например, французской культурой. Если мы мусульмане, то европейская культура трансформируется в христианскую культуру и демонстрирует более консервативную позицию.

Правда, как отмечали и прежде, эти ценности вовсе не отрицают всегда друг друга (например, творчество Мирзы Джалила, Омара Фаика). Однако и в этом случае один из взглядов возвышается над другим. Например, азербайджанство в творчестве Мирзы Джалила означает еще и то, что при необходимости тюркизм и ислам могут перейти на последующий план. Даже в творчестве Мирзы Джалила в качестве объекта критики мы видим не азербайджанство, а последующие ценности: Гасан-ага («Мертвецы») и Худаяр-бек («История села Данабаш») критикуются именно как восточные люди и мусульмане (это направление на самом деле не новое, такие же тенденции можно наблюдать в творчестве Ахундзаде). В этом случае литературные связи начинаются с критики большинства пороков, от которых необходимо избавиться.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что полная форма литературных связей возникает в следующих случаях:

1. В процессе показателей национальной дифференциации и интеграции с другими народами

2. На фоне поисков принадлежности

3. На фоне схожих историко-политических процессов

Обращение азербайджанской литературы к Западу, как к зеркалу и содержанию общественной мысли, не было независимым и отдельным явлением. Идеи и географические соседи и родственно близкие Азербайджану – Турция, Иран, Аравия, Туркестан в той или иной степени склонялись к Западу. При рассмотрении

данного явления в этом контексте, увязывание этого лишь с фактором России может привести к наименьшим результатам (хотя благодаря роли России влияние в определенной степени шло в другом направлении).

С XVI века на всем Востоке, в том числе и в Азербайджане, шел процесс деградации ценностей. В первую очередь это проявляется на почве образования национальной культуры в отдельных местах. Если Саади и Низами ценностями и творческим языком, принадлежали всему Востоку, то Вагифа отнести ко всему Востоку сложно.

Ослабление ценностей объединяющих Восток на научном уровне, становится причиной выхода на передний план других, пришедших со стороны, ценностей. Ценности каждого общества формируются в первую очередь на основе религиозного и национального содержания. Совместное проживание народов Востока (в данном случае подразумевается исламский Восток) основывалось на правилах исламской религии. Используемые на определенной территории мусульманского Востока национальные языки, иногда уступали свое место другим языкам (например, в общевосточной литературе – фарси). Несоблюдение религиозных канонов в Османской империи, которая являлась основной силой Ислама и другими мусульманскими государствами (например, для существовавших в жизни Сефевидов распущенности, противоречащий исламу образ жизни, смотри: А.Агаоглу, Иран и его революция), отсутствие создания на религиозной и научной почве новых ценностей, не модифицирование прежних ценностей согласно духу времени в итоге стало причиной превращения традиционных ценностей в устаревшие по форме, а затем полностью непригодные, неиспользуемые, не имеющие применительной силы ценностей. Хотя после выхода религии из кодекса ценностей в течение определенного периода национальные ценности еще были в рабочем состоянии, отсутствие религиозных ценностей, с которыми совместно «жили» в течение долгих веков, делали национальные ценности неполными и косвенно слабыми. Захват Азербайджана Россией, слабость Османской Турции перед Европой, не дали возможности, укрепившись, создать национальные ценности, единолично создать новую систему ценностей, и, таким образом, возникла пустота в обществе. Отражение этого в литературе проявляет себя в период от Физули до Ахундзаде в форме повторяемости. В отсутствие новых научных и философских взглядов поэты XVII-XVIII веков занимались

преимущественно подражанием Физули. Saib Təbrizi, Məsihi kimi şairlər bədii istedad baxımından sələflərindən o qədər də fərqlənməsələr də, məhz yeniliyin təmsilçisi kimi çıxış etmələəri onların başqalarının davamçısı kimi tarixdə qalmalarına səbəb oldu. XVIII əsr şairi Vaqif isə yalnız dil planında maraqlı idi. Хотя такие поэты, как Саиб Тебризи, Меси́хи в контексте художественного таланта от предшественников мало отличались, но не внеся новизны они упоминаются в истории литературы как продолжатели идей более ранних поэтов. А поэт XVIII века Вагиф был интересен лишь в языковом плане. У Вагифа мы не видим отображения какой-либо новой философии, идейного течения. Рассматривая место Вагифа в азербайджанской литературе, вспоминаются мысли Руссо о состоянии сжавшегося от никчемности, и в результате этого отчужденного человека.

Руссо процесс отчуждения брал в индивидуальном плане. По мнению Руссо, человек по природе своей чист и непорочен. В результате различных общественных отношений он постепенно превращается в отрицательное и аморальное существо. Для того, чтобы уберечь его от подобной испорченности, Руссо призывал человека вернуться в естественную среду, отдалившись от социальной среды, созерцать первобытное состояние [4, 46].

Лев Толстой был сторонником этой философии. Герои романов Толстого, возвратившись в село, всегда становятся самим собой и заново очищаются (например, произведение «Воскрешение»). И возвращение Толстого в село было отображением поведения героев в реальности. В этом смысле, подходя к вопросу с позиции идентификации индивида и социума, возвращение азербайджанской литературы в облик Вагифа на национальную почву – первичную естественность – было подобно попытке уберечь себя в отношениях с другими народами. К сожалению, не закрепление новых ценностей на национальной почве не смогло превратить этот процесс в важный фактор.

Стихотворения в пессимистичном ключе Моллы Вели Видади, бывшего современником Вагифа, в качестве слабого продолжателя Физули на национальной почве (лексически и жанрово) уже сообщали об эрозии ценностей, представителем которых он был, и в этом смысле возникновение в XIX веке сатиры проявлялось также как критика ценностей, сохранивших свою формальную исползуемость в обществе. Выступление основными мишенями критики

относительно слабой сатиры Гасым-бека Закира, Мирзы Бахыша Надима, чуть позже Сеида Азима Ширвани, сильной сатиры Мирзы Алекпера Сабира живущих старыми ценностями, однако выражающих это исключительно формально религиозных деятелей и различных сил общества (интеллигентов, купцов) также является показателем данного процесса (например, отложив в сторону отношение религии к науке, образованию, механизмам общественного регулирования, критика многоженства в качестве основного показателя религии и религиозности).

Уже в начале XX века Восток, в том числе и Азербайджан, страдал из-за отсутствия кодекса высокого поведения. Не удивительно порождение именно в этот период большой полемики вопросом «Какими принципами руководствоваться в отношении к себе и другим?», Эрих Фромм писал: «Под понятием отчуждения понимается такой метод восприятия, при котором человек ощущает себя кем-то чужим. Он словно отходит в сторону сам от себя. Не чувствует себя центром своего мира, своих личных действий. ... Отчужденный человек, как и с другими, теряет связь и с самим собой. ... Отчуждение носит универсальный характер и человек в действительности не выражает своей потенциальной сущности, говоря иными словами, отдаляется от той сущности, которой мог бы стать и которой стал бы» [4, 78].

Тенденции видеть развитие лишь в Европе были столь сильны, что порой доходило до степени отрицания всего Востока. Тенденции противопоставления ислама и развития, озвучиваемые и в наши дни, обосновывалась также приведением примеров из Европы. Возрождение Европы, служило примером Востоку, в том числе Азербайджану, и мы, знакомясь с литературными произведениями этого периода, наблюдаем откровенную защиту этой концепции. Не видя действительных различий между исламской и христианской религиями, представляющие нам в качестве абсолютной истины позитивистскую мораль Европы в лучшем случае удовлетворялись лишь учитыванием местной самобытности и дифференциальности на национальной почве. Правда, никто не отрицал роли человеческой нравственности в факторе развития. Но нравственный призыв, причина и источник которого не указывается, носит(-л) тезис «мораль ради морали» и сам по себе выражает (-л) лишь техническую сторону дела. Однако создавались и произведения подобно «Боязнь Аллаха» Султана

Меджида Ганизаде. Необщепотребительность подобных произведений в наши дни, невосприятие образов в социальном сознании в качестве типажа имело и художественные, и политические причины. Вместе с тем, ни в каком случае произведение с точки зрения выражаемой идеи, демонстрации пути выхода не основывалось на слабый тезис. Просто, не только эпоха не принимала подобные взгляды как, – «возвыситься, оперевшись на религиозно-национальную мораль», и даже мыслящие подобным образом писатели и публицисты становились мишенью мягкой сатиры, порой старались уберечь читателя, «держать читателя бдительным» от обладатель подобными мыслями.

Говоря об истории азербайджано-европейских связей необходимо определить несколько нюансов. Обычно затрагивающие эту тему начало берет от Низами. Отражение тем Низами,

Физули в европейской литературе еще не является связью азербайджанской литературы. Поскольку такие мастера, как Низами, Хагани представляли мусульманский Восток, а такие мастера, как Насими, Физули – тюрко-исламский Восток. В этом смысле речь может идти не об азербайджанстве, а о понятии протоазербайджанства. Азербайджанская литература понятие национальности в современном значении стала обретать творчеством Вагифа. Следовательно, литература периода до Вагифа генетически была азербайджанской, а содержательно и идейно в большей степени представляла иные ценности (пусть даже в дальнейшем эти ценности сыграли роль и в формировании азербайджанства). Вагиф и литература последующего периода же и языком (не только грамматически, но и ценностно), и формой, и содержанием были первыми этапами национальности.

Литература

- 1 Халилли Ш. Из истории перевода с азербайджанского на английский (и наоборот) // http://translit.az/TERCUME_TARIXI/Ingilis.htm (на азерб. языке)
- 2 Курбанов Ш. Избранные произведения. В 3-х томах. – Т. 3. – Баку: Азербайджанское Государственное Издательство, 1969. – 504 с. (на азерб. языке)
- 3 Шислер А. Ахмед Агаоглы меж двумя империями и Новая Турция. – Стамбул: Издательство Университета Билги, 2005. – 370 с. (на турецком языке)
- 4 Гусейнли О. Проблема чуждого в философии: Дисс. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. – Баку: БГУ, 2007. (на азерб. языке)

References

- 1 Halilli SH. Iz istorii perevoda s azerbajdzhanskogo na anglijskij (i naoborot) // http://translit.az/TERCUME_TARIXI/Ingilis.htm (na azerb. yazyke)
- 2 Kurbanov SH. Izbrannye proizvedeniya. V 3-h tomah. – T. 3. – Baku: Azerbajdzhanskoe Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1969. – 504 s. (na azerb.yazyke)
- 3 SHisler A. Ahmed Agaogly mezh dvumya imperiyami i Novaya Turciya. – Stambul: Izdatel'stvo Universiteta Bilgi, 2005. – 370 s. (na tureckom yazyke)
- 4 Gusejnli O. Problema chuzhdogo v filosofii: Diss. na soiskanie uch. st. kand. filos. nauk. – Baku: BGU, 2007. (na azerb. yazyke)